

В такие моменты все считали, что у Лун Чи нет способностей, что избавляло их от лишних хлопот. Однако Нань Лицзю не могла слышать, как даосы унижают Лун Чи. Но мастерство рисования талисманов не может быть передано за пару слов. Даже если Нань Лицзю хотела научить Лун Чи, она видела, что та рисует только талисманы для успокоения или защиты, и молча отказалась от этой идеи. Лун Чи была мечником, и, встречая злых духов, она просто убивала их мечом. Талисманы ей были нужны только для защиты деревенских жителей или для успокоения духов, которые не совершали зла, но не хотели покидать мир живых.

Нань Лицзю подошла к Лун Чи и сказала:

— В этом месте такие мягкие талисманы не подходят. Дай мне.

Она взяла кисть из рук Лун Чи, сосредоточилась и собрала убийственную энергию города Уван на кончике кисти. С каждым движением кисти, убийственная энергия и сила талисмана запечатывались на бумаге.

Она закончила рисовать, активировала талисман и бросила его в сторону ворот с надписью «Город Юньчжоу».

Талисман полетел и внезапно вспыхнул ярким светом, врезавшись в камень над воротами и оставив золотой след длиной в три чи.

В ночном небе талисман светился золотым светом, излучая устрашающую энергию. Стены города Юньчжоу, которые до этого казались обычными, теперь выглядели как огромное чудовище, лежащее на земле, с налётом древней мощи и агрессии, словно они уничтожили множество злых духов.

Даже обычные люди почувствовали, что атмосфера вокруг изменилась, словно их что-то ошеломило.

Холодный голос Нань Лицзю разнёсся в ночи:

— Этот талисман защитит вас только на одну ночь. Сегодня я, Нань Лицзю, буду здесь, защищая беженцев, которые пришли сюда. Призрачный наместник, я не могу остановить миллионную армию царства призраков Преисподней, но разрушить твой дворец — для меня пустяк.

Воздух наполнился тишиной.

Жители за пределами города Юньчжоу оглядывались, многие не понимали, откуда исходит этот голос. Он был холодным, но почему-то внушал спокойствие.

Вскоре злобный ветер стих, призрачные тени исчезли, и места, где раньше появлялись духи, внезапно стали тихими.

Нань Лицзю бросила кисть и сказала Лун Чи:

— Найди тёплое место и отдохни.

Она добавила:

— Не спи на земле.

Земля была пропитана иньской ци, и она беспокоилась, что Лун Чи, заснув, начнёт копать яму и сажать себя в землю на глазах у всех.

Старина Сун очнулся и поспешил позвать своих людей, чтобы они отвели Нань Лицзю и Лун Чи к их стоянке, отгородив их от толпы.

Старина Сун был старейшиной, и у него была повозка с крытым кузовом, которую раньше использовали для детей, которые не могли идти. Теперь её подготовили для них.

Хотя призраки больше не появлялись, ночью иньская ци была сильна, влажность высока, а погода становилась всё холоднее. Дети, спавшие на улице, даже с одеялами, могли простудиться от ветра. Маленькие дети, возрастом в несколько лет, были очень уязвимы, и долгий путь беженцев мог бы убить многих из них.

Лун Чи использовала свои скромные навыки рисования талисманов, чтобы нарисовать несколько талисманов и приклеить их к повозке. «Лучше, чем ничего», — подумала она. Закончив, она спрыгнула с повозки и сказала старину Суну:

— Пусть дети спят здесь.

Она категорически отказалась спать в повозке, и старина Сун не мог её заставить. Конечно, он больше беспокоился о своих детях и, поблагодарив Лун Чи, принёс ей жаровню, еду и обувь.

Лун Чи посмотрела на изящные туфельки, пошевелила пальцами ног и подумала, что лучше ходить босиком, чем оставлять следы от таких туфель на лице зомби. Она поставила жаровню на расстоянии трёх чи от себя и вернула обувь и еду старину Суну, сказав:

— Не нужно.

В местах с сильной иньской ци есть что-то лишнее — значит навлечь на себя беду.

Нань Лицзю, видя, как Лун Чи ходит босиком, и как все могут на неё смотреть, нахмурилась. Она взяла туфельки, наклонилась, схватила ногу Лун Чи и надела их на неё.

Лун Чи сидела, поджав ногу и размышляя, не отодвинуть ли жаровню подальше, как вдруг её нога оказалась в руках Нань Лицзю, а та надела на неё обувь. Лун Чи долго не могла прийти в

себя, думая: «Что, она сошла с ума?»

Нань Лицзю, закончив, спокойно сказала:

— Какая разница между хождением босиком и бегом голый?

Лун Чи замерла, затем крикнула:

— Это ноги, а не задница.

Нань Лицзю сказала:

— В приличных семьях, если мужчина увидит руку девушки, он должен жениться на ней.

Лун Чи задумалась, затем вспомнила, что многие женьшеневые духи выглядели как маленькие дети, бегая в красных нагрудниках по горам, и уверенно возразила:

— У нас дома носят только нагрудники!

Нань Лицзю с изумлением посмотрела на Лун Чи, затем медленно отвернулась, сжала губы, и её плечи слегка задрожали. Когда она снова повернулась, её взгляд был полон сочувствия.

Лун Чи, осознав, что сказала что-то не то, замолчала и не стала смотреть на Нань Лицзю. Это место было пропитано иньской ци, что не подходило для тренировок. Она закрыла глаза, села в позу медитации и начала визуализировать искусство меча, разделяющего воды, чтобы постичь его суть.

Хотя одежда Лун Чи уже была грязной и порванной, её внешность была привлекательной. Черты лица были правильными и изящными, кожа — белой и нежной, а её аурой мечника придавала ей остроту. Сидя в позе медитации, она излучала некую величественность, словно никакое зло не могло к ней приблизиться.

Нань Лицзю пристально смотрела на Лун Чи, и в её глазах мелькнуло удивление.

Обычно природа расы определяла её энергию и ауру, а женьшеневые духи, как растительные существа, не обладали силой и не ассоциировались с величественностью. Но Лун Чи была другой. Однако Нань Лицзю быстро успокоилась, ведь она была мечником из секты Драконьего Владыки.

Внезапный шум привлёк внимание Нань Лицзю.

Семья, потерявшая ребёнка, нашла его, и началась суматоха.

Некоторые дети действительно были похищены, и их семьи, найдя их, обнимали их и плакали.

Другие дети были проданы или брошены, и их семьи не могли договориться. Женщины рыдали, пытаясь забрать детей, мужчины били их и отталкивали. Один вспыльчивый мужчина в ярости вырвал ребёнка из рук женщины и бросил его на землю, убив на месте.

Зло людей превосходит зло духов.

Лун Чи открыла глаза, взяла меч и подошла.

Толпа, увидев, что приближается небесный мастер, притихла.

Мать ребёнка сидела на земле, ошеломлённая, с широко открытым ртом, не в силах издать звук.

Лун Чи, увидев мёртвого ребёнка, вытерла кровь с его лица, закрыла глаза и прочла молитву для его успокоения. Душа ребёнка появилась, окружённая слабым светом, и посмотрела на Лун Чи.

Лун Чи сказала:

— Иди, переродись в хорошей жизни.

С этими словами ребёнок превратился в поток света и исчез в небе.

Лун Чи медленно поднялась и посмотрела на мужчину.

Тот отступил на шаг, затем грубо крикнул:

— Что? Я родил этого ребёнка, я его убил. Что не так?

Лун Чи сказала:

— Даже тигр не ест своих детёнышей. Кроме того, это твой ребёнок?

В глазах мужчины мелькнул страх, и он резко бросил:

— Я не знаю, о чём ты говоришь...

Он повернулся, чтобы уйти, но, как только он это сделал, острый меч оказался у его шеи, и холод пронзил его до костей.

Лун Чи холодно произнесла:

— В этом мире, возможно, нет закона, но справедливость ещё жива.

Меч скользнул, и кровь брызнула на три чи.

Мужчина, дрожа, схватился за шею, из которой хлестала кровь, указал на Лун Чи и медленно рухнул на землю.

Лун Чи наклонила голову, наблюдая за ним, пока он не перестал двигаться. Затем она вытащила его душу и разрубила мечом, уничтожив её.

Вокруг стояла толпа, но царил полная тишина.

Меч Лун Чи не был запачкан ни каплей крови. Она спокойно вложила его в ножны и бросила взгляд на мужчину, который пытался отобрать ребёнка у жены, чтобы бросить его. Тот вздрогнул и упал на колени перед Лун Чи, говоря:

— Мастер, мастер, не то чтобы я не хотел её забрать, просто...

Он увидел, что мастер тоже девушка, и проглотил слова:

— Просто мы не можем её прокормить, у нас слишком много детей.

<http://bllate.org/book/15297/1351463>